

Литература

1. Воропаев Н. Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая. Москва: ВКН, 2018. 384 с.
2. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 27 с.
3. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей; редакторы В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.
4. Морозова Н. Все об искусстве: виды, произведения и примеры, история жанров и функции. URL: <https://art-dot.ru/iskusstvo/> (дата обращения: 07.09.2021).
5. Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; ответственный редактор М. Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2018. 192 с.

PRECEDENT NAMES OF ARTWORKS
IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF CHINESE YOUNG PEOPLE

Mariia V. Pigaleva

Senior Lecture,
Perm State University
15 Bukireva St., Perm 614990, Russia
pigaleva-m@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of one of the stages of a psycholinguistic experiment aimed at identifying works of art that are significant for the Chinese people. An attempt is made to interpret the results obtained and identify precedent names in the field of art for Chinese young people.

Keywords: art, artwork, experiment, precedent name.

УДК 821.58

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-194-198

ПОЭЗИЯ КАК ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ В РОМАНЕ «СТЕКЛО»
СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ БЭЙ ЦУНЯ

© **Дышенов Александр Валерьевич**

ассистент кафедры Филологии стран Дальнего Востока,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
mg.graf3@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются христианские мотивы в творчестве современного китайского писателя Бэй Цуня на примере его романа «Стекло». Предпринимается попытка представить поэзию и сам иероглиф 诗 с позиции христианского богословия, проводятся параллели с романом писателя, где два главных героя как раз являются поэтами.

Ключевые слова: христианство, поэзия, Бэй Цунь.

Для цитирования

Дышенов А. В. Поэзия как поиск смысла жизни в романе «Стекло» современного христианского писателя Бэй Цуня // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 194–198.

Первое документально подтверждённое знакомство Китая с христианством относится к времени династии Тан (618–907), когда в 635 г. в Чанъань из Персии прибыла группа несторианских миссионеров во главе с епископом Алобынем. Христианство в Китае переживало разные времена: расцвета, упадка; однако миссионерская работа не останавливается, и уже среди самих китайцев много тех, кто исповедует и тем самым проповедует эту веру.

Один из них — Бэй Цунь (北村) — современный христианский писатель, входит в число «中国小说五十强优秀作家 (1978–2000)¹», 1965 г. р., уроженец провинции Фуцзянь. После окончания факультета китайского языка Сямынского университета в 1985 г. он устраивается на работу редактором журнала «Фуцзянская литература» и сразу начинает успешно публиковаться. Его труды пользуются признанием на литературной арене Китая, также переводятся на другие языки (английский, японский и немецкий), и экранизируются². 1992 год считается поворотным не только для творческой деятельности писателя, но и для его мировоззрения, он становится христианином протестантского течения. Отныне его труды посвящаются исключительно христианским темам, и роман «Стекло», который считается одним из четырех романов его «золотой эпохи» писательской деятельности, как раз повествует о жизни двух поэтов и их «встрече» с христианством.

Поэзия в жизни Поднебесной имеет особенное положение. Умение тонко сказать слово, изящно сложить их в ряд в имперском Китае являлось показателем ума и даровитости настолько, что было частью экзамена на государственную службу. Подобная идея отражается и в иероглифе “诗”, где правый компонент “寺” может трактоваться как «придерживаться», «следовать», и поэт, как и чиновник — это тот, кто умеет следовать за словом “言”, не только держаться слова, но и держать его. Синологии известно и самостоятельное употребление этого компонента, когда “寺” имеет значение «монастырь» или «храм»; и если «монастырь», тогда «поэзия» — возможно, место уединения человека со словом “言”, место отчуждения его от мира, и Бэй Цунь проводит эту идею через героев романа.

Роман разворачивается в новом Китае. Представлены два главных героя, два лучших друга — Ли и Датэ, они оба любят поэзию. Поэзия для них — не только любовь к словам, но больше — любовь к смыслам: смыслу бытия, смыслу любви, дружбы; поэзия для них — поиск истины: *«Ли говорит: Датэ сказал, что он хочет написать самые лучшие стихи, потому что стихи могут спасти челове-*

---

1 «Пятьдесят лучших писателей-романистов Китая (1978–2000)».

2 По его сборнику рассказов «周渔的喊叫» был снят фильм «Поезд Чжоу Юй».

чество» [1, с. 14]. Ещё с университета они вместе, вместе живут, помогают и заботятся друг о друге, и делятся самым сокровенным — своими стихами. Они любят одну и ту же женщину — Цянь. Сильный и мужественный Датэ любит Цянь той любовью, которую древние греки называли «эрос», любовью плотской. И даже взяв в жёны Цянь, Датэ не забывает о других женщинах, потому что, помимо поэзии, прекрасная половина человечества — его второй смысл в жизни: *«Ли говорит: Ты не можешь так поступать. Датэ отвечал: Я люблю Цянь, и люблю тебя. Ли говорит: мне без разницы, но если ты любишь Цянь, то должен по-настоящему лучше относиться к ней, не веди себя так безобразно»* [1, с. 15]. Даже внешне утончённый, худощавый Ли, будучи всё же человеком более высокого нравственного развития, он и любит Цянь по-другому, платонически.

Кульминация в романе наступает, когда разочарованная в Датэ, отвергнувшая чувства Ли, в поисках новой любви Цянь эмигрирует в Америку, где обращается в христианство, отказывается от мыслей о замужестве: *«Цянь говорит: Я больше не хочу замуж»* [1, с. 162], и решает посвятить свою жизнь служению Богу. С этой целью она возвращается в Китай, встречается с Ли, и тогда происходит самое главное в романе — обращение Ли. Он принимает христианскую веру, бросает поэзию, сжигает свои стихи и из тихого, совсем незаметного человека становится горячим проповедником: *«Ли вправду стал особенным»* [1, с. 154]. Датэ не принимает перемен Ли, расценивает его обращение предательством их дружбы, идеалов, и ради возврата Ли даже отказывается от женщин. Всё же несмотря на множество попыток разговора, объяснения причин обращения Ли, в конце концов Датэ понимает, что Ли не вернуть, и убивает его: *«Ли говорил неверно, его жизнь в моей руке, я определил его смерть. Он должен был верить мне»* [1, с. 167], а позже Датэ и сам заканчивает жизнь по приговору суда.

Как мы видим на примере Ли и Цянь, автор, казалось бы, протестантской традиции, показывает такую модель христианской жизни, которая очень напоминает модель католическо-православного монашества: и Ли и Цянь дают своего рода обет безбрачия, и, отказываясь от притязаний на этот бренный мир, пусть не живя в кельях, но воспринимая под служением Богу только аскетическо-проповеднический образ жизни, они всё же как бы оказываются вне этого мира, в невидимых стенах какого-то невидимого монастыря.

Можно ли назвать происходящие трансформации крайностями? Может быть, в этом состоит желание и самого автора, который когда-то и сам покался и пришёл в церковь? В творчестве писателя-авангардиста Бэй Цуня часто проходят мотивы какого-то бунта, перехода из одного крайнего состояния в другое, что также прослеживается на примере персонажей Ли, Датэ, Цянь, их жизни — это сильнейшие сдвиги из одной крайности в другую. Помимо сюжетных линий, которые отражают радикальный характер писателя, в самой форме, в языке его работ отражаются те же черты. Так, в романе, который претендует на звание литературного труда, помимо этого ещё и труда христианского (что автоматически подводит его к обязательству ещё большей нравственной чистоты), автор рисует такие картины, о которых не принято говорить в обществе. Эротизм в романе иногда переходит допустимую черту, проваливаясь то ли в нечто порнографическое, то ли в нечто извращённое (чего стоит описание автором женского туалета). Возможно, таким образом автор пытается показать читателю свою искрен-

ность, пытается открыто говорить о том, что многие естественно знают, но в силу морали не говорят, однако какие бы цели ни ставил автор, после прочтения *такого* видения сути сексуальных отношений или особенностей человеческой анатомии, всё же в сердце читателя может остаться ощущение нечистоты. Может сложиться и так, что подобное произведение не будет восприниматься христианским трудом, христианской литературой. Другие писатели, которые также проповедуют христианские ценности: Достоевский, К. Льюис, Толкиен и т. д., или картины и фрески Микеланджело, украшающие своды итальянских храмов, где тоже есть обнажённые образы мужчин и женщин, — все они поют величественно и красиво.

Подходя в заключение к вопросу о смысле жизни человека, христианина, церковь всегда говорила, что главное — это проповедь дел Христа. В какой форме будет проходить она, обязательно ли она должна называться этим словом, или весть о Спасителе может транслироваться всем существом человека, всякими его трудами и талантами, как и вышеупомянутые труженики искусства воспринимали своё служение Богу. Музыкальные композиции Баха считаются 5-ым Евангелием, и сам он всю свою жизнь полагал на то, чтобы творить музыку, которая говорила бы человеку о вечном. Мы знаем, что и Пушкин воспринимал свой дар как служение, чего стоит его стихотворение «Пророк». Того ли желал Христос, говоря: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин.20:21), чтобы люди покидали этот мир и затворялись в конструктах каменных или мысленных монастырей? Хотя решение Ли оставить стихи, по-своему оставить и мир, нельзя назвать злом (многие из нас тоже с радостью бы нашли свой смысл бытия и посвятили бы ему свою жизнь), но нельзя ли было Ли и дальше стихотворить, слагать такие стихи, которые могли бы отражать те до крайности важные откровения, полученные им? И тогда поэзия 诗 — это не «монастырь», не место уединения отдельного человека со словом, но «храм», где звучит «слово» жизни для всякого входящего.

Китайские иероглифы могли бы открыть нам много того, что скрыто в их причудливых штрихах. Писатель Бэй Цунь по-своему пытается этими мини-картинами донести до других людей весть о Христе, не только через роман «Стекло», но миру известны и другие его работы: «Смотря на тебя», «Гнев», «У меня с Богом есть соглашение» и др.

Подобное служение делают и многие другие христиане, среди которых и писатели, и художники, и учёные-историки, которые даже делают попытку по-новому взглянуть на историю китайской иероглифики, связывая её не с именами мифических Нюйвы и Фуси или Цан Цзе, а с идеей Сотворения, что весть о Спасителе была в Китае задолго до первой задокументированной встречи с епископом Алобынем, даже задолго до правления династии Западная Хань на рубеже эр, но эта весть уже была дана в иероглифах, при их сотворении Богом.

Литература

1. Бэй Цунь. Стекло. Шанхай: Шанхайское издательство «Жэньминь Мэйшу», 2003.

POETRY AND THE MEANING OF LIFE IN THE NOVEL "GLASS"
BY THE MODERN CHRISTIAN WRITER BEI CUN

Alexander V. Dyshenov

Assistant of Department of Far East Countries Philology
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
mr.graf3@gmail.com

Abstract. The article examines Christian motifs in the work of the modern Chinese writer Bei Cun on the example of his novel "Glass". An attempt is made to present poetry to the hieroglyph itself 诗 from the standpoint of Christian theology; parallels are drawn with the novel of the writer, where the two main characters are poets.

Keywords: Christianity, poetry, Bei Cun.